

Татьяна Трубникова. *Роман «Танец и Слово»*.

О Сергее Есенине и Изадоре Данкан. Отрывок.

Иногда ему казалось, что он еще очень юн. Смотрел в зеркало и понимал: да. Но стоило ему выпить немного пива, мрачные мысли одолевали его, и в преломлении кривых ресторанных зеркал он видел уже совсем другого себя. Гораздо старше и солиднее. Но хуже всего - мучительность за глазами, за самой синью. Если он пил еще, глаза чернели, лишь узкая голубая радужка напоминала, что это он. Потому что он не узнавал себя... Сумасшедшая злость и муть поднималась со дна души. И тогда он уже не знал, зачем он идет своим заветным путем, путем воплощения духа через Слово. Зачем он отдал стихам самую сокровенную часть себя. Отдал все, что любил. Теперь у него ничего нет. Он сделал их живыми. Чтобы жили вечно. Как в том сне, в котором Исида сказала ему: «Боги бессмертны, мальчик». Но сам лишился силы. Он просто человек... Новая порция алкоголя делала его отражение зыбким и карикатурным. Будто являлся другой, тот, кто когда-то был его тенью... Он его оторвал от тела у межи... Очень давно. В глазах его было презрение и фальшь. Ужасный, гнусавый голос насмешничал и скандалил. Обвинял поэта во лжи и масках, в интригах и блуде, в лести и двоедушии. Этот другой был сумрачен и чёрен. В проблеске сознания Сергей понимал: пришел Черный Человек. Губы его мучительно пытались крикнуть: «Чоорный». Он цепенел, не мог двинуть ни рукой, ни ногой от ужаса. Льдинка ползла по спине. В такие мгновения ему казалось, что его душит этот Черный,

мучит одним своим мерзким видом, он готов убить его, убить!!! Но как?! Все невыносимо гадко вокруг и постыло, потому что Черный отравляет своим присутствием сам свет белый, люди – тени, нет никого рядом. Ничто не радует... Хочется закрыть глаза и выть...

Все, как есть, рассказал в этой поэме. Он написал ее еще в Америке. Только не хотел отдавать миру, отрывать от себя. Потому что это было его последнее Слово, последняя песня, последняя зацепка. Первый вариант был длинен. С описанием городов Америки. И необычайно реалистичен в изображении Черного Человека. Настолько, что по расширенным от ужаса глазам слушателей он понимал: они видят то же, что видел он... Еще в первом варианте было много от Гоголя с его «Вием». Но потом решил поэму сократить. Незачем людей пугать. У него другая цель. Ему надо избавиться от этого Черного!!! Всем рассказать о его обвинениях. Пусть люди сами решат, кто победил: деревенский мальчик, желтоволосый, с голубыми, как небо, глазами, или сонм тяжких грехов, спеленавших его душу. Пусть каждый в себя заглянет: вдруг увидит Черного Человека?! Или так взимается плата за гений? Скорее всего... Прав был Клюев. Вот тебе и приторно сладкий, паточный Миколай. Поле битвы – душа его... «На шее ночи» голове «маячить больше невмочь». Такая страшная, стылая картина: деревья ровные, как по нитке, выстроились в зимнем, ночном саду. Чей это слышится копытливый стук? Не за ним ли это, не за ним ли?! Все усыпано белым. Жутко и одиноко.

Пытался вспомнить облик Черного Человека, что чудился ему в зеркале... Чтобы себе помочь, надел крылатку и цилиндр, взял

трось, стал всматриваться в зазеркалье, стараясь ухватить те мерзкие улыбки и тошный взгляд, которые помнил. Вдруг дверь распахнулась, вбежал радостный Вася Наседкин. И замер, увидев нечеловеческое выражение на лице Сергея. Даже отпрянул. Сергей сразу понял, что подумал друг... Сказал: «Это просто игра, понимаешь? Игра!». Наседкин с усилием кивнул. «Мне Катя сказала «да». Сергей рассмеялся: «Вот это хорошая новость! Рад за вас!».

Однажды не спал всю ночь. Подушка была жесткой, мутные, старые зеркала пугали бездонной глубиной. Кто знает, кто в них отражался? Хотя квартиру эту, в Померанцевом, Ольга Дитерихс купила недавно, в шестнадцатом году. Растратила большие деньги от продажи имения. Ох, уж эти дворяне... А он разве другой? С Исидой научился швыряться деньгами. Не умеет их держать и копить. Кто ни попросит – каждому готов помочь. Сейчас в зеркале отражается портрет великого старца. В зеркале он иной, не такой, как написан Репиным. Чудится, что ухмыляется в усы. А глаза осуждающие. Он все знает наперед.

Сами собой стали приходить строчки. Такого с ним раньше не было. Ничего не было в этих стихах, кроме его остывшей души. Без надежды, без света.

«Проходил я мимо, сердцу все равно –

Просто захотелось заглянуть в окно».

Потому что все прошло. Он сам – просто прохожий,
«сочинитель бедный».

Лежал с закрытыми глазами, строчки вертелись и вертелись в
голове. Уже готовые стихи, только короткие. Подобные частому
дыханию умирающего... Обрывки мыслей и чувств.

«Снежная равнина, белая луна,

Саваном покрыта наша сторона.

И березы в белом плачут по лесам.

Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?».

Когда читал их, Соня замерла. Жуткие слова горели перед
глазами. Поэт прощался ими с самим собой.

«Ставил я на пиковую даму,

А сыграл бубнового туза».

Что за пиковая дама, кто она? Исида! Потому что

«Я искал в этой женщине счастья,

А нечаянно гибель нашел».

Фатальная женщина, у которой рок последовательно отнимал все,
что любило ее сердце...

Бубновый туз – это и расстрельная мета на спине, и страшная
карта дьявола из стихов какого-то немца... Отдаленно Соня
припоминала что-то из прочитанного когда-то давно... Все-таки

вспомнила. Это была сказка Гебеля в переводе Жуковского о продавшем душу дьяволу несчастном картежнике.

Сергей продолжал работать над собранием сочинений.